

ПОНЯТИЕ «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ» И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.Г. Рубанов

Томский политехнический университет

E-mail: rubanw@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью определения места и роли преемственных процессов в условиях трансформации общественного состояния, изменения приоритетов и ценностных ориентаций.

Цель работы: эксплицировать понятие «преемственность» и выявить особенности «социальной преемственности».

Методы исследования: метод логико-исторического и системно-деятельностного анализа.

Результаты: на основе анализа существующих точек зрения, определяющих сущность понятия «преемственность», предлагается авторская интерпретация содержания этой категории. Раскрыты функции «преемственности» как философской категории. Акцентируется внимание на фундаментальности преемственной закономерности. На основе исследования точек зрения зарубежных и отечественных философов выработан подход к определению преемственных процессов в формировании нового, его связи с предшествующим. Определен авторский подход и предложено определение категории «социальная преемственность». Осуществлен сравнительный анализ социальной преемственности и традиции, где подчеркивается содержательное и функциональное превосходство преемственности над традицией.

Ключевые слова:

Преемственность, наследование, опыт, настоящее, прошлое, социальная преемственность.

В условиях изменения социокультурных ориентиров общества чрезвычайно важно учитывать отношение к предшествующему опыту в культурной, социально-политической, экономической жизни страны. В этой связи нам представляется важным рассмотрение преемственных процессов, осуществляющихся в обществе.

В различные времена понятие «преемственность» исследовали многие философы. Для этого использовались различные основания и методологические посылки. Иногда анализ начинался с определения тождества и различия между «преемственностью» и «повторяемостью». Процесс повторения связан с дискретностью, непрерывностью, а преемственность характеризуется как непрерывность и как прерывность. При повторении осуществляется полное или частичное возвращение к ранее пройденному. Преемственность – это и возвращение назад, и воспроизведение прошедшего на качественно новом уровне. Преемственность и повторяемость близки по своему содержанию, но неадекватны. Преемственность шире, чем повторяемость.

Проведение различия между этими понятиями чрезвычайно важно для понимания процессов движения и развития. Совершенно прав А.И. Зеленков, отмечающий, что «преемственность» является философским понятием, которое отражает важнейший тип связи между различными качественными состояниями развивающейся действительности. Сущность этого понятия «состоит в единстве сохранения, воспроизведения и модификации определенного содержания из отрицаемой системы» [1. С. 21].

С этим трудно не согласиться. В структуру преемственной связи входит повторение, снятие, углубление, развитие, отбрасывание. Преемственность является существенной стороной закона отрицания отрицания, сведение которого к закону

диалектического отрицания как закону преемственности развития, на наш взгляд, неправомерно [2. С. 139]. Сам закон отрицания отрицания шире диалектического отрицания и характеризуется следующими моментами:

- преемственностью;
- поступательностью (прогрессивностью);
- спиралевидностью.

Выявленная связь преемственности с законом отрицания отрицания позволяет перейти к анализу сущности понятия «преемственность».

Одним из первых в отечественной философии трактовку понятия «преемственности» дает Э.А. Баллер. Исследуя преемственные процессы в развитии культуры, он пишет: «Преемственность – это связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы» [3. С. 15]. Это определение в основном схватывает сущность преемственных процессов. Позитивным в нем является следующее: а) проявление преемственности на всех уровнях развития материи, б) сохранение и развитие наследуемого материала.

Э.А. Баллер выделял преемственную связь между различными поколениями и современниками. «...Преемственность на одном уровне наблюдается в процессе количественных изменений, происходящих в рамках данного, относительно неизменного качества. Преемственность на различных уровнях связана с качественными изменениями. При количественных изменениях основное содержание преемственности составляет сама структура, сохраняется, удерживается организация. При качественных изменениях, когда структура объекта так или иначе трансформируется, содержанием преемственности являются лишь отдельные элементы, составляющие связи объекта», – пишет он [4. С. 9].

Эксплицируя понятие «*преемственность*», М.П. Завьялова соотносит его, *во-первых*, с одноуровневыми фундаментальными категориями философии (развитие, отрицание, повторяемость), *во-вторых*, с близкими по смыслу (наследование, заимствование) [5. С. 109–133].

Здесь внимание акцентируется на том, что преемственная связь обеспечивает конкретно всеобщую основу развития, выступая важнейшим фактором самодетерминации процесса. Понятие «*преемственность*» выражает способ перехода к новому состоянию. Преемственность в развитии выражает непрерывность. Родственное ему понятие «*повторяемость*» не отражает всей полноты развития. М.П. Завьялова анализирует соотношение понятий «*преемственность*» и «*взаимствование*», подчеркивая, что не всякое заимствование является преемственностью. Заимствовать, считает она, значит, перенять, перенести определенные результаты деятельности предшественника в актуальную деятельность. На основании этих посылок автор приходит к заключению, что преемственная связь представляет собой сохранение, удержание и одновременное отбрасывание, утрату и отвержение определенных сторон, форм, элементов предшествующего развития [5. С. 132].

В принципе с позицией М.П. Завьяловой мы согласны, но надо отметить, что в ее определении упускается существенная сторона преемственности – дальнейшее качественное развитие некоторых социально значимых ценностей наследства. В своих последующих рассуждениях она выделяет эту характеристику преемственности. Можно согласиться с М.П. Завьяловой в вопросе синонимичности понятий «*преемственность*» и «*наследование*».

Идеи преемственности и философская традиция волновали и М.К. Мамардашвили. Это выражено в его отношении к словам Дж. Оруэлла, высказанным по поводу героя романа «1984», суть которых заключалась в следующем: «Он был одинок духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок» [6. С. 93]. М.К. Мамардашвили говорил, что существенные, конституирующие акты сознания и духовности проходят на фоне опыта сознания. И дальше он подчеркивает, что на уровне эмпирического факта встречу между тем, кто «вещает» сегодня, и тем, кто его услышит, завтра мы можем не наблюдать. «Собственно, – отмечает М.К. Мамардашвили, – поэтому я и ввел понятие предшествующей, предварительной связности, которая совершенно меняет всю проблему далекого и близкого» [6. С. 93].

Не отбрасывая ценного из того, что сделано нашими предшественниками, мы считаем, что понятие «*преемственность*» было бы более корректным, если определить его следующим образом:

«преемственность» есть философская категория для обозначения закономерной связи между различными этапами развития действительности, где определенное содержание, структура и функции одной системы повторяются, отбрасываются и развиваются в другой на качественно новом уровне.

Методологическим основанием выработки дефиниции было, *во-первых*, представление о том, что преемственность обладает признаком всеобщности и является категорией, *во-вторых*, в генетическом плане понятие «*преемственность*» представляет собой абстракцию, которая базируется на выявлении общих признаков взаимосвязи различных этапов развития на уровне неживой, живой и социальной форм движения материи, *в-третьих*, онтологическим основанием определения понятия «*преемственность*» является выделение объективных признаков, которые существуют в различных типах связи.

Как философская категория «*преемственность*» обладает рядом функций. Среди них можно выделить: онтологическую, гносеологическую, методологическую.

В онтологической функции категории «*преемственность*» находит свое выражение объективная закономерность бытия, выражающая связь между различными ступенями развития. «*Преемственность*» позволяет рассматривать действительность не как нагромождение случайных, не связанных друг с другом явлений, а как объективную связь между ними.

В своем развитии наследуемое претерпевает изменения, которые ведут к появлению форм существования или к возврату назад, т. е. «*преемственность*» способствует научному решению вопроса взаимосвязи явлений в развивающемся мире.

Но «*преемственность*» представляет собой выражение закономерности не только бытия, но и познания. Гносеологическая функция категории «*преемственность*» заключается в последовательном проведении принципов и законов развития действительности. Категория «*преемственность*» служит ступенькой в движении познания. Она позволяет более полно и всесторонне охватить связь прошлого с настоящим, нового со старым.

Преемственность выявляет характерные черты связи между различными науками, ступенями их развития, что способствует решению задач прогнозирования их будущего. В свое время, говоря о преемственной связи между представителями различных поколений в процессе совершенствования знаний, И. Кант отмечал: «Старшее поколение трудится в поте лица, как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, для построения которого работал длинный ряд предшественников» [7. С. 10].

Гносеологическая функция тесно связана с методологической функцией. Становление и выработка содержания категории «*преемственность*»

представляет собой процесс, определяемый всем ходом развития теории и практики.

Методологическая функция «*преемственности*» заключается в следующем: будучи философской категорией, она является категорией диалектического метода познания мира. Научно обоснованное содержание категории «*преемственность*» способствует совершенствованию исследования действительности, выступает философско-методологической основой познания взаимодействия различных процессов и этапов в развитии систем различного характера. Диалектическое рассмотрение сущности преемственности помогает объяснить объективность развития, вооружает человеческое знание принципами диалектики в интересах практического преобразования окружающей действительности.

Категория «*преемственность*» дает основание для понимания перехода от абстрактного к конкретному, от исторического к логическому. И здесь мы согласны с Б.М. Бобровым, который утверждает, что «принцип совпадения логического и исторического служит критерием преемственности идей, с одной стороны, не позволяет отбрасывать, игнорировать значение преемственности в процессе знаний, а с другой, не допускает абсолютизации преемственности, не критического отношения к духовному наследию прошлого» [8. С. 159].

Важным моментом в обосновании методологической функции категории «*преемственность*» является метод восхождения от чувственного к абстрактному, а от него – к мысленно-конкретному. Знание, которое получаем в результате исследования связи настоящего с прошлым на основании ощущений и созерцания, должно быть «просвечено» абстракцией, что позволяет отвлечься от множества сторон опосредованного объекта и выявить более полное содержание преемственности. В процессе перехода от конкретного к абстрактному, а от него – к мысленно-конкретному преемственность может выступать как один из имманентных двигателей процесса познания действительности.

Существенной чертой методологической функции категории «*преемственность*» является то, что на основе совпадения логического и исторического, мы познаем целостность и внутреннюю взаимосвязь явлений объективного мира.

Категория «*преемственность*» способствует осуществлению движения от незнания к знанию, сокращает путь познания законов развития.

Таким образом, преемственность в развитии является фундаментальной закономерностью. Прошлое является базой существования настоящего, оно снимается в нем, приобретает инобытие.

Социальная преемственность выступает закономерностью общественного развития, характерной особенностью которой является связь различных уровней человеческой культуры. В современной философско-социологической литературе преемственность в обществе как социологическая категория получила слабое освещение, поэтому мы

считаем необходимым предложить свою трактовку понятия «*социальная преемственность*», выявить ее существенные стороны, а затем рассмотреть механизмы реализации преемственных связей в общественных процессах.

Социальная преемственность реализуется в деятельности общественного субъекта (личности, группы, общества в целом), который проявляет свое активное отношение к наследуемому. Через деятельность человек включается в систему общественных отношений. В деятельности он создает среду своего существования.

В деятельности реализуются и воплощаются способности и возможности субъекта, удовлетворяются его потребности и интересы. Но прежде чем включиться в активный творческий процесс развития наследованного социального содержания, субъект деятельности должен приобщиться к существующим стереотипам культуры, действующим в обществе и в группах, к которым он принадлежит. Процесс освоения культурных ценностей осуществляется во взаимодействии поколений. Одно из ключевых мест в духовной жизни занимает преемственность исторической памяти в настоящем.

Итак, что же представляет собой социальная преемственность? Исследуя взаимосвязь прошлого и настоящего в развитии общества, схему мировой истории, как известно, К. Ясперс выделяет этапы доистории и истории, между которыми существует как различие, так и связь. Чем характеризуется доистория? Это так называемый период доосевого времени. Как в истории, так и в доистории происходили и происходят изменения. В доистории осуществлялось становление конститутивных свойств человеческого бытия. Результатом доистории является образование рас, речи, мифов, технических открытий. Это, собственно, колыбель человечества. На этом уровне развития общества биологическое и социальное в человеке было примерно на равных в определении механизмов обмена, передачи опыта. И К. Ясперс отмечает, что история возникает там, «где есть осознание истории, традиций, документация, осмысление своих корней и происходящих событий» [9. С. 56]. Он признает, что в общности великих культур древности лежит преемственность. Это проявляется в сходстве состояний хода развития культур. Естественно, уровень гипотетического знания по этой проблеме не дает стопроцентной достоверности факта, но культурологические исследования подтверждают эту мысль. Влияние Шумер на Египет и Китай сказывалось таким образом, что китайцы осевого времени видели в древних культурах свое прошлое, продолжающееся без изменений, в идеализированных чертах.

Историческая эпоха, по К. Ясперсу, характеризуется развертыванием приобретенного в духовной и технической области. Скачок от доисторического существования к историческому обуславливался тремя основными моментами, пронизанными, с нашей точки зрения, преемственностью: а) созна-

ние и воспоминание, передача духовного достояния (это позволяло включать в сферу деятельности не только элементы настоящего, но и прошлого); б) рационализация какого-либо значения и содержания посредством техники (это делает более устойчивым само существование человека, предохраняет от случайностей); в) выделение в качестве образца людей, чьи дела и помыслы постоянно стоят перед потомками (это способствовало совершенствованию рефлексивности человека, освобождению его от страха перед демонами) [9. С. 72].

В истории осевое время (примерно около 500 лет до н. э.) сформировало человеческое бытие, независимое от религиозного содержания. Оно связывало человечество в единую мировую историю, но при этом следует помнить, что преемственность как фундаментальная закономерность развития культуры не диктовала жесткий единый образец. Возникали принципиально отличные друг от друга направления культуры. Достаточно назвать Парфенон, пирамиды, готические соборы и т. д. Европа отличается от Азии. Повышается степень осмысленности, творчества, динамичности культурных систем. Причем, как отмечает К. Ясперс, сознательная передача опыта становится обязательным жизненным элементом.

Размышляя о будущем, он подчеркивает, что будущее скрыто в прошлом и настоящем. «Видение настоящего в такой же степени зависит от прошлого, как и прогнозирование будущего» [9. С. 155].

В этой связи, мы считаем интересным соотношение таких понятий как «непрерывность» и «прерывность» в развитии.

Существует несколько концептуальных подходов к этой проблеме. Это, *во-первых*, абсолютизация момента прерывности, *во-вторых*, абсолютизация непрерывности в развитии, *в-третьих*, объединение непрерывности и прерывности в их диалектической связи. Остановимся на некоторых из этих подходов. Один из ведущих представителей западной философской мысли А. Бергсон в работах, посвященных творчеству, обосновывает положение о том, что жизнь есть сплошной поток творчества, характерной особенностью которого являются непрерывные качественные изменения, изобретения. В творческом процессе он признает наличие логической и хронологической преемственности. Хотя прошлое и сохраняется в действительности, индивидуальность, «строящаяся в каждый момент при помощи накопленного опыта, непрерывно меняется» [10. С. 11]. По мнению А. Бергсона, состояния, тождественные по объему, не повторяются по глубине. Он подчеркивает, что развитие жизни таково, что нельзя определить его направление. Это не ядро, выпущенное из пушки. Это снаряд, который после выстрела немедленно разбивается на множество частей, каждая из которых в свою очередь разбивается и т. д., а при взрыве, как мы знаем, осколки разлетаются в самые разные направления, т. е. эти слова А. Бергсона подтверждают его тезис о нелинейном разви-

тии. Они обращены против непрерывности, эволюции в развитии. У этого философа было много последователей, например М. Пруст, А. Тойнби, Тейяр де Шарден и др.

Своеобразно представлена теория эволюции в работах Тейяра де Шардена: «Феномен человека», «Человеческая энергия», «Появление человека», «Дух Земли», «Место человека в природе». Свою точку зрения этот философ строит на космологическом основании. С его точки зрения, развитие Земли происходит исторически, в виде образования качественных слоев, которые он называет «пеленами».

Первая пелена – уровень неживой природы (литосфера). Из нее вследствие качественного скачка образуется органическая природа, возникает жизнь, то есть вторая пелена (биосфера). На уровне живой природы зарождается человек, который представляет собой определенный прерыв постепенности, и сознание которого создает психическую пелену, называемую Тейяром де Шарденом ноосферой. Образование ноосферы из биосферы у него получило название ноогенеза или рождение разума.

Дальнейшая эволюция характеризуется переходом в фазу высшего развития человеческого духа – кристогенез. Кристогенез, согласно представлениям Тейяра де Шардена, где на данный момент победил не геолог и палеонтолог, а мистик и теолог, есть психически преобразованная материя, которая концентрируется в Духе Земли. Дух Земли вбирает в себя все психические пелены и устремляется в космос к мистической точке Омга (космическому Богу) [11].

Итак, теория Тейяра де Шардена представляет собой исследование процессов развития с позиции их качественных изменений, скачков. В теории познания Тейяр де Шарден использует принцип дополнительности материи духом, между которыми нет непреодолимых преград.

Свое отношение к проблеме развития сформулировал И.Г. Гердер, исследуя проблему генезиса человека и общества, придавая ее решению натуралистический характер. Этот философ предпринял попытку исторического объяснения всех основных феноменов культурной жизни. Всемирная история, как он считал, отождествлялась по своим законам и детерминантам развития с историей вселенной. В его основной работе «Идеи о философии истории» явно выражена эволюционистская естественнонаучная ориентация. И.Г. Гердер вводит категории причинного объяснения в философии истории. Историческое развитие, как он представлял, есть детерминированная цепь причин и следствий, есть процесс движения, в котором действуют имманентные силы. Но он не понимал отличия истории общества от истории природы, как качественно более высокой ступени развития. Социальная история есть продолжение природной истории, не столько в отношении первой ко второй как последующей стадии к предыдущей, а в отноше-

нии целого (природы) к части (обществу). Одной из ошибок И.Г. Гердера было его своеобразное понимание качественных изменений в развитии. Переход от природы к культуре человеческого общества он понимал как результат вмешательства некой трансцендентальной силы.

Надо отметить, что в философских рассуждениях при анализе факторов, формирующих движущие силы социально-исторического развития (генетические силы природы и силы, передаваемые от поколения к поколению), особое внимание уделяется второму фактору – «гению народов», который включает в себя упражнения, навыки, традиции. Человек не может действовать, исходя из самого себя, он во многом зависит от других. «В той же мере, – пишет И.Г. Гердер, – в какой человеку, согласно естественным законам его рождения, не свойственно происходить из самого себя, не может он, при употреблении своих духовных сил, действовать так, как если бы они были прирожденны ему» [12. С. 252–253].

В вопросах становления человека И.Г. Гердер уделяет внимание социальным факторам, и прежде всего воспитанию, где традиции и подражание являются детерминирующими. Однако в дальнейшем культурные традиции по генезису он связывает с силами природы. С его точки зрения, природа в своих проявлениях растительного и животного мира есть субстрат, образец человеческой культуры.

Итак, идеи плавной эволюции И.Г. Гердера распространились не только на природу, но и на человеческое общество, его культуру. Культура есть частица развития общей системы, где не исчезают никакие духовные накопления. Эта цепь развития продолжается, и человек в ней представляет одно звено. Если животное в доме всевышнего отца есть слуга, то человек – лишь дитя, которому нужно научиться всему. Высшие существа на человека могут смотреть как на среднюю породу, как на переход от одной стихии к другой. «И человек – пока только человекоподобный – станет человеком и расцветет бутон гуманности, – подчеркивает И.Г. Гердер, – застывающий от холода и засыхающий от зноя, он расцветет и явит подлинный облик человека, его настоящую, его полную красоту» [12. С. 132].

Диалектическое понимание органической связи прерывности и непрерывности прослеживается в становлении и развитии всей реальной действительности. Это две стороны одного и того же диалектического процесса. Каждый из диалектических законов является иллюстрацией взаимосвязи непрерывности и прерывности. Непрерывность включает в себя моменты прерывности, так же как и прерывность подготавливается непрерывностью. Например, количественное изменение в конечном итоге приводит к накоплению критической массы, которая вызывает появление нового качественного состояния, а это, как известно, прерыв непрерывности. Явление, феномен реальной действительности

на определенном этапе в силу различных факторов «обречен» на количественное изменение. Если говорить о наличии преемственности, то необходимо сказать, что она имеет место как в эволюционной, так и в революционной фазах развития.

Процесс единства прерывности и непрерывности связан с пониманием настоящего и прошлого, старого и нового, традиций и новаций, направленности в развитии. Это можно проследить в процессах развития культуры. М.М. Бахтин понимание нового и старого, преемственности в культуре связывает с пониманием хронотопа, то есть пространственно-временных отношений. Исследуя культуру смеха, он отмечает, что отношение ко времени является конститутивной (определяющей) характеристикой гротескового образа. Второй его чертой является амбивалентность, то есть переплетение нового и старого, умирающего и рождающегося.

В Средневековье многое в культуре народа связывалось с временной цикличностью: времена года, лунные и солнечные фазы, смерть и обновление растительности. «В этой смене, – говорит М.М. Бахтин, – положительно акцентируется момент нового, растущего, обновляющегося. И этот момент приобретает значение более широкое и глубокое: в него вкладывались народные чаяния лучшего будущего, более справедливого социально-экономического строя, новой правды» [13. С. 93–94].

В таком представлении формируется отношение к процессу развития как единству повторения и обновления. И как справедливо пишет М.М. Бахтин, официальное было обращено в прошлое, а народное – в будущее.

Продолжая линию М.М. Бахтина, А.Я. Гуревич большое внимание в работах отводит вопросам становления ментальности, которая раскрывается с двух позиций: *во-первых*, мир культуры в каждую историческую эпоху образует некую глобальность (воздух, которым дышат члены общества), *во-вторых*, ментальность связана с такими понятиями как «*время*», «*пространство*», «*право*», «*труд*», «*богатство*», т. е. с такими понятиями, которые образуют картину мира [14. С. 11].

В ходе своей жизнедеятельности человек общается, воспринимает то чувство пространственно-временных отношений, которые сформировались культурой данного исторического этапа. Прошлое персонифицировалось в человеке, который повторял характер и поступки предка. «Если время циклично, – пишет А.Я. Гуревич, – и прошлое повторяется, то и будущее время не что иное, как возобновляющееся настоящее и прошлое. Все три времени расположены как бы в одной плоскости» [14. С. 110]. Исходя из этой позиции, мир Средневековья воспринимался стабильным, устойчивым, а изменения касались лишь поверхности богом установленной системы.

Статичность, устойчивость состояний обуславливали отношения к прошлому на уровне повторений, традиций, обычаев, почти не вносящих новаций в существующую систему.

Отрицание новаторства и индивидуальности регламентировали поведение человека по формуле: «Поступай как все».

Прорыв в мировоззрении был совершен благодаря переходу от языческого к христианскому восприятию времени. Уход от цикличности дал возможность воспринимать действительность более динамично. Было выработано новое понятие времени. «Во-первых, – подчеркивает А.Я. Гуревич, – в христианском мирозерцании понятие времени было отделено от понятия вечности ... вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничено длительностью человеческой истории. ... Во-вторых, историческое время приобретает определенную структуру» [14. С. 120].

Цикличность времени измеряется линейностью и необратимостью, где есть начало, кульминация и завершение. Сравнивая ветхозаветные и новозаветные тексты, можно отметить определенную прогрессивность новозаветных текстов. В своих проповедях, обращенных к ученикам и народу, Иисус Христос дает возможность выбора пути постижения истины. Человеку дается свобода воли. Однако средневековому человеку в проявлении активности мешает существовавшая в этом обществе корпоративность общественной жизни. Индивид всегда был связан с корпорацией, которая подчиняла «сознание единицы коллективному сознанию группы» [14. С. 201].

В этой связи, мы считаем уместным вспомнить слова Н.А. Бердяева, который проводил различие между цивилизацией и культурой. Генетически культура более древняя, чем цивилизация, а в силу этого последняя не имеет таких глубоких корней и традиций. И если цивилизация дорожит новшествами, приспособленными к удобствам сегодняшнего дня, то культуре «дорого увековечивание, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников» [15. С.248–249].

С Н.А. Бердяевым можно согласиться в том, что в культуре сосуществует два начала: консервативное и творческое. Одно стремится к сохранению системы, обращено к прошлому, а второе, создавая новые ценности, устремлено к будущему. Однако вызывает возражение тезис о том, что революционизм поверхностен, оторван от ядра жизни. Мы считаем, что революционные преобразования невозможны без качественного изменения предшествующего, без преемственной связи с ним. В противном случае это будет не качественно новое состояние, а то, что, например, было во времена «Пролеткульта», явление, лишённое корней, питательной среды своего существования. И в конечном итоге было обречено на исчезновение.

Мы рассмотрели лишь некоторые концептуальные подходы к определению взаимосвязи прошлого и настоящего в обществе, ее детерминированности социокультурными факторами. В этой связи считаем необходимым выявить сущность категории «социальная преемственность».

В исследовании преемственной связи на социальном уровне сформировалось два основных подхода. Согласно первому, эту связь выражает понятие «социальное наследование» [16. С. 57]. Второй подход базируется на том, что процесс передачи совокупного социального продукта выражается понятием «социальная преемственность» или «культурная преемственность» [17. С. 114]. Сторонники этого подхода вводят эти понятия с целью разграничения социального и филогенетического наследования.

Как первая, так и вторая точки зрения имеют позитивные моменты: в первой позиции охватываются процессы реализации преемственной связи в деятельности субъекта, во второй характеризуются процессы социального наследования на абстрактно-теоретическом уровне. Однако они не снимают актуальности проблемы социальной преемственности как социологической категории. Мы предлагаем свое видение данной проблемы, которое обосновывали в ряде публикаций [18, 19 и др.]. Мы не претендуем на исчерпывающее решение, а предлагаем один из возможных вариантов.

Социальная преемственность, с нашей точки зрения, является выражением высшего типа преемственной связи. Она, *во-первых*, представляет собой отражение закономерной связи между различными этапами социального развития, и которое проявляется на любом уровне общественного развития; *во-вторых*, социальное наследование воплощается в деятельности субъекта наследования; *в-третьих*, социальная преемственность есть отношение между поколениями и представителями одного поколения. Поэтому мы считаем, что «социальная преемственность» – это такое понятие, отражающее процессы социального наследования, характерной особенностью которого является сохранение, повторение, преобразование и развитие, отрицание и отбрасывание социально значимого продукта в пространстве и времени в деятельности субъекта конкретно-исторической системы культуры.

В философской и культурологической литературе большое внимание уделяется соотношению понятий «преемственность» и «традиция» [20, 21, 22 и др.]. По своему содержанию и функциям «преемственность» значительно шире, чем традиция. Она вбирает в себя не только традиции, но и обычаи, обряды и т. д. Если традиция аккумулирует, стереотипизирует и передает культурные ценности, то преемственность включает в себя уничтожение того из наследуемого, которое не выдерживает испытания временем, не вписывается в новые условия. Кроме этого в ее структуры входят преобразование и развитие. Традиция предполагает устойчивость или, как пишет К.В. Чистов, «(длительность–континуитет) функционирования форм культуры» [23. С. 109]. Но традиция, понимаемая в современном значении, имеет динамические моменты. Это не чисто консервативное наследование, чуждое изменениям и преобразованиям. С понятием «традиция» связано социально-философское направление, кото-

рое основывается на изначальной традиции, являющейся носителем всеобщего космического смысла мироздания. В истории развития человека известны традиционные общественные системы, философские школы, уклады жизни и т. п.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленков А.И. Философско-методологический анализ проблемы преемственности в научном познании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Минск, 1986. – 40 с.
2. Демидов И.В. Логика. – М.: Юриспруденция, 2002. – 272 с.
3. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. – М.: Наука, 1969. – 294 с.
4. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. – М.: Наука, 1987. – 225 с.
5. Завьялова М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. – Томск: ТГУ, 1988. – 208 с.
6. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Как я понимаю философию. – М.: Группа Прогресс, Культура, 1992. – 415 с.
7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, 1784 // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 7–23.
8. Бобров Б.М. Логическое и историческое и преемственность идей // Ленинская теория отражения и современность. – Свердловск: СГУ, 1967. – С. 156–162.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. – СПб.: Издание М.И. Семёнова, 1913. – Т. 1. – 332 с.
11. Тейяр де Шарден. Божественная среда. – М.: Гносис, 1994. – 220 с.
12. Гердер И.Г. Идея к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 543 с.
14. Гуревич А.Я. Категории средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
15. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМА-Пресс, 1990. – 285 с.
16. Дубинин Н.П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 50–58.
17. Астауров Б.Л. Социальные и биологические факторы развития человека. Круглый стол // Вопросы философии. – 1972. – № 9. – С. 109–125.
18. Рубанов В.Г. Преемственность в научной деятельности. – Томск: Дельтаплан, 2005. – 284 с.
19. Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Преемственность научных идей в контексте экологического сознания. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 249 с.
20. Абрамян Э.Г. У истоков культурной традиции. – Ташкент: ФАН Узб. ССР, 1988. – 128 с.
21. Буева Л.П. Общественный прогресс и гуманизм. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
22. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
23. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л.: Наука Ленингр. отд., 1986. – 304 с.

Поступила 09.08.2013 г.

UDC 101.1

CONCEPT «SUCCESION» AND ITS SOCIAL MEASUREMENT

V.G. Rubanov

Tomsk Polytechnic University
E-mail: rubanw@tpu.ru

The relevance of the study is caused by the necessity to define the place and the role of successive processes under social status transformation, changes of priority and value system.

The aim of the study is to express «succession» concept and to find out the specialties of «social succession».

Methods of researching: *logical historical and system-pragmatic.*

Results: *The author proposes his vision of this term based on the analysis of current points of view defining the idea of «succession» concept. The functions of «succession» as philosophic category are cleared up. The depth of succession logic is emphasized. Based on the researches of foreign and national sophists' opinions the author developed a way to define succession process within forming new one, its links with the previous one. The author's way is identified and the notion of «social succession» category is proposed. The comparative analysis of social succession and tradition is carried out; the informative and functional succession superiority over tradition is underlined.*

Key words:

Succession, inheritance, experience, the present, the past, social successive.

REFERENCES

1. Zelenkov A.I. *Filosofsko-metodologicheskii analiz problem preemstvennosti v nauchnom poznanii*. Dokt. Dis. [Philosopho-methodological essay of problem of succession in science perception. Dr. Dis.]. Minsk, 1986. 40 p.
2. Demidov I.V. *Logika* [Logic]. Moscow, Yurisprudentsiia, 2002. 272 p.
3. Baller E.A. *Preemstvennost v razvitii kultury* [Succession of culture development]. Moscow, Nauka, 1969. 294 p.
4. Baller E.A. *Sotsialny progress i kulturnoe nasledie* [Social progress and cultural heritage]. Moscow, Nauka, 1987. 225 p.
5. Zavyalova M.P., Rastorguev V.N. *Edinstvo i preemstvennost soznaniya* [Unity and succession of perception]. Tomsk, TGU, 1988. 208 p.
6. Mamardashvili M.K. *Idei preemstvennosti i filosofskaya traditsiya. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Idea of succession and philosophical tradition. How I understand philosophy]. Moscow, Gruppya Progress, Kultura, 1992. 415 p.
7. Kant I. *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane, 1784. Sochineniya* [Idea of universal history in globally civil system]. Moscow, Mysl, 1966. Vol. 6, pp. 7–23.
8. Bobrov B.M. *Logicheskoe i istoricheskoe i preemstvennost idey. Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennost* [Logical and historical, and idea succession. Lenin theory of return and conformity]. Sverdlovsk, SGU Publ., 1967. pp. 156–162.
9. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Idea and goal of history]. Moscow, Politizdat, 1991. 528 p.
10. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Saint Petersburg, 1913. Vol.1, 332 p.
11. Teyar de Sharden. *Bozhestvennaya sreda* [Celestial sphere]. Moscow, Gnosis, 1994. 220 p.
12. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Philosophy of humanity history ideas]. Moscow, Nauka, 1977. 703 p.
13. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovaya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and folk culture of Mediaeval and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p.
14. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy narodnoy kultury* [Categories of mediaeval folk culture]. Moscow, Iskusstvo, 1984. 350 p.
15. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, IMA-Press, 1990. 285 p.
16. Dubinin N.P. *Sotsialnoe i biologicheskoe v sovremennoy probleme cheloveka* [Social and biological about modern problem of person]. *Voprosy filosofii*, 1972, no. 10, pp. 50–58.
17. Astaurov B.L. *Sotsialnye i biologicheskie faktory razvitiya cheloveka. Krugly stol* [Social and biological factors of human development]. *Voprosy filosofii*, 1972, no. 9, pp. 109–125.
18. Rubanov V.G. *Preemstvennost v nauchnoy deyatel'nosti* [Succession in scholarly endeavor]. Tomsk, Deltoplan, 2005. 284 p.
19. Rubanov V.G., Rubanova E.V. *Preemstvennost nauchnykh idey v kontekste ekologicheskogo soznaniya* [Succession of science concept in sphere of ecological perception]. Tomsk, TML-Press, 2008. 249 p.
20. Abramyan E.G. *U istokov nauchnoy traditsii* [Sources of cultural tradition]. Tachkent, FAN Uzb., SSR, 1988. 128 p.
21. Bueva L.P. *Obshchestvenny progress i gumanizm* [Social progress and humanism]. Moscow, Znanie, 1985. 64 p.
22. Gurevich A.Ya. *Problemy srednevekovoy kultury* [Problems of mediaeval folk culture]. Moscow, Iskusstvo, 1981. 359 p.
23. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i folklor. Ocherki teorii* [National traditions and folklore. Theory essay]. Leningrad, Nauka, 1986. 304 p.